

ИСТОРИЯ СЛОВЕНСКОГО ЯЗЫКА – СЛОВЕНСКИЕ (РЕГИОНАЛЬНЫЕ) ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ВАРИАНТЫ

MARKO JESENŠEK^{1,2}

¹ Univerza v Mariboru, Filozofska fakulteta, Maribor, Slovenija
marko.jesensek@um.si

² Slovenska akademija znanosti in umetnosti, II. razred za filološke in literarne vede,
Ljubljana, Slovenija
marko.jesensek@um.si

Исследование показывает двойственное развитие словенского литературного языка от Фрейзенгенских листков до объединения словенской литературной нормы в середине XIX века, когда существовало два варианта словенского литературного языка, а именно центрально-словенский (литературный краньский язык, который включал в себя каринтийский, штаерский и приморский региональные варианты) и восточно-словенский (литературный прекурский язык, который включал в себя восточно-штаерскую литературную версию). Оба варианта развивались отдельно в Словенско-альпийской и Паннонской языковых областях.

DOI
[https://doi.org/
10.18690/um.ff.2.2024.1](https://doi.org/10.18690/um.ff.2.2024.1)

ISBN
978-961-286-854-3

Ключевые слова:
история словенского
языка,
литературные варианты,
краньский язык,
прекурский язык,
ново-словенский язык

University of Maribor Press

DOI
[https://doi.org/
10.18690/um.ff.2.2024.1](https://doi.org/10.18690/um.ff.2.2024.1)

ISBN
978-961-286-854-3

Keywords:

history of the Slovene
language,
literary variants,
Carniolan literary language,
Prekmurje literary language,
New Slovene

HISTORY OF THE SLOVENE LANGUAGE – SLOVENE (REGIONAL) LITERARY LANGUAGE VARIANTS

MARKO JESENŠEK^{1,2}

¹ University of Maribor, Faculty of Arts, Maribor, Slovenia
marko.jesensek@um.si

² The Slovenian Academy of Sciences and Arts, Section II of Philological and Literary
Sciences, Ljubljana, Slovenia
marko.jesensek@um.si

The paper shows the dual development of the Slovene literary language from the Freising manuscripts to the unification of the Slovene literary norm in the middle of the 19th century – at that time there were two versions of the Slovene literary language: Central Slovene (literary Carniolan with Carinthian, Styrian and Littoral regional versions) and Eastern Slovene (literary Prekmurščina with the Eastern Styrian regional /literary/ version), which developed separately in the Slovene Alpine and Pannonian language areas.

1 Введение¹

До середины XIX века на территории современной Словении существовало две версии словенского литературного языка. В альпийском языковом регионе сформировался центрально-славянский литературный язык, который исходил из традиции древнейшего славянского государства Карантании и альпийско-славянского языка, а в Паннонском языковом регионе сформировался восточнославянский литературный язык, исходящий из традиции Кочальского государства, миссионерской деятельности Кирилла и Мефодия и старославянского языка. Жители Крании, Каринтии и Штирии, проживающие между реками Савой и Дравой и жители Приморской из Триестской епархии (также Видемской архиепархии), «на основной части словенской территории, разделенной между четырьмя габсбургскими (австрийскими) землями» (Goles 2018: 195–216), использовал центрально-словенский литературный язык. Однако, жители Штирии, проживающий между реками Драва и Мура, и жители Прекмурья говорили на восточно-славянском литературном языке. Еще в XIX веке язык словенцев, проживающий на территории Габсбургов, называли «австрийско-словенским», чтобы отличить его от «венгерско-словенского», на котором говорили жители Прекмурья, входивших в состав Венгерского государства с конца I в. нашего тысячелетия. Синонимическим термином для центрально-словенского литературного языка был краньский язык,² у которого были каринтийские и центрально-штаерские региональные варианты, в то время как восточно-словенский литературный язык был разделен на прекмурский литературный язык (венгерский / венгерский район) и восточно-штаерскую региональную (литературную) версию (австрийская область).

2 Развитие словенского языка

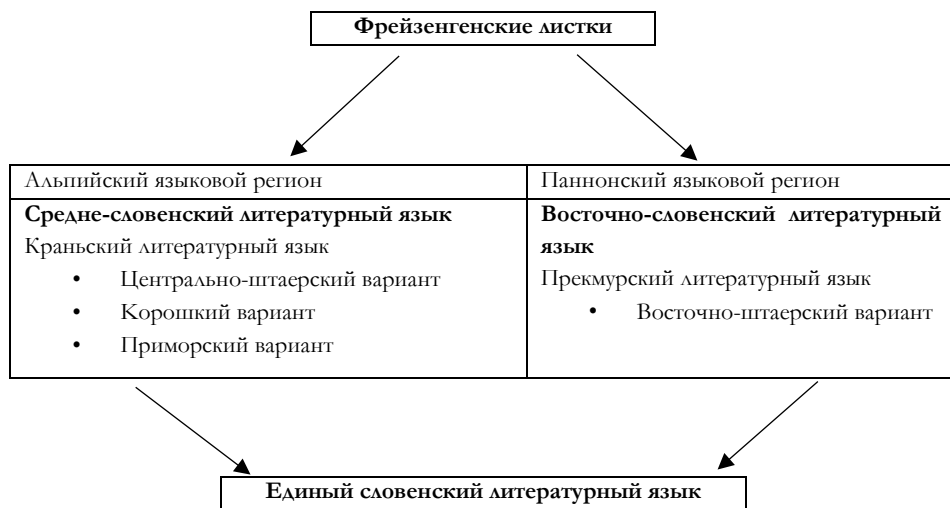
История словенского языка начинается с Фрейзенгенских листков (между 972 и 1039 годами) и продолжается с развитием центральной и восточной версий словенского языка, которые представлены литературным краньским (*kranjščina*)

¹ Исследование было сделано в рамках программы Словенская лингвистика, литература и преподавание словенского языка (2020–2025, руководитель программы, профессор, доктор Марко Есеншек), которая финансируется Агентством общественных исследований Республики Словения из государственного бюджета. Перевод исследования: Наталья Калох Вид.

² На словенском языке используется термин *kranjščina*.

и прекмурским (*prekmurščina*) языками. Первая печатная книга на краньском языке это «Катехизис Трубара» (*Catechismus*, 1550), первая из «Малого катехизиса» Прекмура Темлина (*Mali katechismus*, 1715), а вершиной протестантской литературы являются переводы Библии, выполненные на краньский язык Далматином (*Biblia*, 1584) и на прекмурский язык Кюзмичем (*Nowi Zákon*, 1771). В 1584 г. краньский язык был в числе первых пятнадцати литературных языков мира, на которые была переведена Библия (сегодня таких языков более 3300). Прекмурский *Nowi Zákon* 1771 года был первым словенским переводом Нового Завета с языка оригинала, т. е. древнегреческий. В середине XIX века, во время Весны народа, были объединены краньский и прекмурский литературные языки и образовался ново-словенский или единый словенский литературный язык. Предпосылкой национального объединения словенцев было прежде всего языковое единство и осознание того, что нация есть в первую очередь группа людей, объединенных одним языком (предпосылка эпохи Романтизма: языковое единство = государственность).

Иллюстрация 1: двухстороннее развитие словенского литературного языка

Источник: собственный

3 Центральнo-словенский литературный язык

В регионах Кранье, Каринтии и Штирии существовала многовековая, богатая письменная традиция, восходящая ко временам Фрейзенгенских листков. Несмотря на немногочисленность сохранившихся рукописей (*Celovski, Stiški, Starogorski rokopis* и др.), эта указывает на лингвистическую традицию, из которого развился (центральный) словенский литературный язык.

Иллюстрация 2: Первые рукописи

Словенская письменность А: рубеж 1-го тысячелетия – и XIII века (супрадиалектный язык)

- Фрейзенгенские листки (с 972 по 1039)

Словенская письменность В: с XIII по XVI вв. (диалект: В1, В2, В3)

- Рукопись Ратече (Целовшки) (ок. 1380)
- Рукопись Стичка (ок. 1428, ок. 1440)
- Старогорская рукопись (между 1492 и 1498)

Источник: Breda Pogorelec (2011)

Фрейзенгенские листки (ФЛ) (*Brižinski spomeniki*) это старейшие из известных сохранившихся письмен на словенском языке и старейшие латинские письменна на любом славянском языке. I. и III. ФЛ представляют собой варианты исповеди, а II. ФЛ – это проповедь о вере и покаянии. Они включают девять пергаментных страниц, шрифт латинский, так называемый каролинский минускул (маленькие курсивные буквы), язык словенский, наддиалектный.³

Рукопись Ратече (*Rateški rokopis* ок. 1380) была написана в Ратече на Гореньски (сегодняшний регион, где граничат три государства – Словения, Италия и Австрия). Рукопись включает в себя *Молитву Господню*, *Апостольский Символ веры* и *Молитву Богородице* – первые два являются копиями гораздо более старых текстов начала IX века, а *Молитва Богородице* была написана несколько позднее на латыни уже после 1000 года. Тексты написаны немецким готическим шрифтом на диалекте словенского языка, а именно диалекта из региона Горенье, в котором присутствуют черты каринтийского и доленского диалектов.⁴

³ <https://nl.ijs.si/e-zrc/bs/>

⁴ https://sl.wikipedia.org/wiki/Celov%C5%A1ki_rokopis

Рукопись Стичка (*Stiški rokopis* ок. 1428, ок. 1440) была создана в цистерцианском монастыре Стичка в Доленьске. Она содержит две формы общей исповеди (*confessio generalis*), начало пасхальной песни *Gospodь воскресе от смерти* (*Naš Gospud je od smrti vstal*, первая словенская запись «поэзии»), латинско-словенский «словарь», *Молитва Святому Духу и Богородице* (*Milust inu gnada*) и *Молитва Богородице* (*Salve Regina*). Шрифт готический, язык словенский, а именно доленьский диалект.⁵

Старогорская рукопись (*Starogorski rokopis* между 1492 и 1498 гг.) была написана священником Лавренцием на Старой Горе недалеко от Чедада. Он включает в себя *Молитву Господню*, *Радуйся, Богородица* и *Апостольский символ веры*. Шрифт латинский, язык представляет собой гипердиалект западно-словенского и включает языковые особенности региона Горенья, наряду с элементами диалекта Внутреннего Краса и редкими венецианскими элементами, которые указывают на сдвиг в сторону общего словенского языка.⁶

Помимо перечисленных наиболее известных «краньских» рукописей, сохранилось и несколько других из XIV–XV вв., на пример Рукопись Чедада, рукопись Видема, рукопись Шкофелоща, рукопись Турья, и Клятвы города Крань (*Videmski rokopis*, *Škofjeloški rokopis*, *Turjaški rokopis*, *Prisege mesta Kranj*) и др.

Иллюстрация 3: Периоды в развитие краньского литературного языка

Период I (1515–1615): Реформация-Контрреформация – основание и становление II. период (1615–1675): католический – застой и рукописи III. период (1675–1750): монастырские проповеди – обновление и поиск IV. период (1750–1805): Ренессанс – региональность и возрождение V. период (1805–1848): пред-мартовский – стабилизация и стандартизация VI. период (1848–1900): национальный – словенство и славянство VII. период (1900–настоящее время): современный – словенство и югославство, национальная независимость

Источник: Jože Toporišič (1981)

⁵ <https://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOC-W8097OPH>

⁶ <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-MQUIUOOI/d67db8cb-e5bf-4875-a371-365ac0ae94f8/PDF>

Вскоре после изобретения печатного станка⁷ в середине 16 века краньски язык стал использоваться в словенских протестантских книгах. Первые словенские печатные тексты появились незадолго до этого в 1515 г. на немецком военном позорном листке *Ain neues lied von den kraynnerischen bauren* на котором (вероятно) отрывок из (утраченной) краньской крестьянской повстанческой песни (*Le vkuip, le vkuip, le vkuip uboga gmajna* и *Stara pravda*). Первая литературная форма краньского языка была определена Приможем Трубаром, когда он решил перевести Катехизис (*Katekizem*, 1550) на словенский язык. В предисловии Трубар обратился ко «всем словенцам» и именно поэтом не выбрал свой родной диалект (доленьский). Трубар хотел, чтобы перевод был понятен жителям Горенье, Каринтии, Штирии и Приморья и создал языковой стандарт, который фонетически, морфологически и синтаксически перерос диалектные рамки:

Vsem Slouenzom Gnado Myr Mylhoft inu prauu Spofnane bohye fkufi Jefufa Christufa profim. Lvbi kerszheniki Jefu fem lete ftuke is fuetiga pifma (inu nih islage vte peifni fhlofhene) katere vfaki fastopni zhlouk kir hozhe nebu pryti ima veiditi inu derfhati htm tudi to litanio inu ano pridigo vle te buquice pufitll prepifati vnafh iefig Bogu na zhaft inu hdobrumu vfem mladim tar preproftim ludem nafhe defhele. (Trubar: *Catechismus*, 1550)

Некоторое время среди словенских лингвистов преобладало мнение, что язык переводов Трубара является диалектом (фонетическим вариантом ращичанской речи), но Риглер (Rigler 1968) доказал, что такие оценки неточны. Язык Трубара позднее усовершенствовал Себастьян Крель:

Leto Orthographio Slovenkiga Pifma, fmo mi sveftio inu sdozbrim fvitom saftopnih Bratov tako postavili. Inu spomiflili tudi na vezh nafhiga Imena inu Jesika Lüdy, kir fo okuli naf, Dolence, Istriane, Vipavce etc, Kateri fkorai povfod zhfifefhi flovenfki govore, kakor mi po Kranium inu Korofhki desheli, do polu nembshki. (Krelj: *Postila slovenska*, 1567)

Нормативная форма средне-словенского литературного языка была дана в переводе Библии (1584) Высокая языковая культура Далматина стала образцом для словенских церковных и светских писателей XVII и XIX веков, поскольку Библия была единственной протестантской книгой, которую епископ Люблянский Хрен пощадил во время Контрреформации и не сжег на костре.

⁷ Иоганн Гуттенберг изобрел печать с подвижными металлическими буквами в 1439 году. В 1455 году он напечатал 180 экземпляров Библии, известной как Библия Гуттенберга или Библия из 42 строк (на каждом столбце было напечатано по 42 строки).

В конце XVII и начале XIX вв. значительно возросла культурная и языковая осведомленность словенцев в Австрии. На словенском языке начали общаться интеллектуалы, и молодая формирующаяся буржуазия, те слои населения, которые стали осознавать свои языковые и этнические права. Католические писатели XVII века (период контрреформации в Словении) продолжили протестантскую языковую традицию, развили центрально-словенский литературный язык и стали использовать его и в художественной литературе. Янез Чандек, Янез Людвик Щёнлебен и их современники только писали и переводили⁸ церковные тексты (практически ничего не печатали), но продолжали/сохранили протестантский краньский литературный язык. Это было очень важно, потому что таким образом они поддерживали непрерывное языковое развитие, что позволило словенским католическим писателям во второй половине XVII века продолжить развитие краньского языка в книгах проповедников эпохи барокко (например, Матия Кастелец, Янез Щёнлебен, отец Иполит, отец Ромуальд, отец Рожериус, Ахаций Стержинар и их подражатели). Щёнлебен привнес в центрально-словенский литературный язык новый барочный стиль, более богатые формы выражения (новые слова) и другой синтаксис (сложноподчиненные предложения, временные отношения). Литературный язык Кранья стал интересен и простым горожанам, и представителям интеллектуальной элиты. Краньский язык начал играть важную роль в процессе пробуждения национального сознания. Марко Похлин писал на словенском языке в написанной на немецком языке грамматике *Kraynska grammatika* (1768) и начал поощрять словенскую светскую поэзию, поскольку до этого краньски язык использовали только для написания церковных текстов. Первую написанную (церковную) словенскую песню можно найти в рукописи Стишка (*Nas gošpud je od smerti stval* — Начало пасхальной песни), а затем многие церковные песни появляются в протестантских изданиях, сначала в «Трубаре» в 1550 г. Сочинения «*Pisanice Od Lepeh Umetnnosti*» (третий том, 1781) под редакцией Дева а вскоре после этого, с появлением Водника, словенская краньская поэзия добилась первых успехов.

Центром средне-словенского литературного языка всегда была Любляна, где собирались словенские интеллектуалы. В XIX веке язык развивался параллельно с реформами Марии Терезии и Иосифа II, которые сильно

⁸ О внутриязыковом переводе и его реализации на примере словенского языка Ульчник (Ulčnik 2023: 17–35).

централизовали государство. Немецкий язык утвердился в Австрийской империи, заменив латынь в качестве административного языка. Во второй половине XIX века Полин и семья Зойсов стали более серьезно заниматься вопросом центрально-словенского/краньского литературного языка. Среди них еще не было настоящего лингвиста, но, несмотря на это, при достаточно дилетантском подходе к лингвистическим вопросам они понимали, что краньский язык значительно изменился в пост-протестантский период. Они предложили усовершенствование языка Далматина и новый, обновленный перевод Библии, подготовленный католиками Кранья (1784–1802). Группу переводчиков возглавлял Юрий Япель, и с помощью Блажа Кумерде он также привлек к работе Йозефа Шкриньяра, Антона Травно, Йозефа Рихара, Модеста Шрай и Янеза Дебеваца (Ogožen 1983: 153–179). Марко Похлин хотел перевести Новый Завет, но епископ Люблянский Герберштейн не доверил ему эту работу. Он предпочел Япле, который уже участвовал в реализации янсенистской программы в 1773 г. и перевел с немецкого, а в 1779 г. опубликовал *Ta velki catekismus s' prašbanjami, inu odgovormi sa ozhitnu, inu posebnu podvuzhenje te mladosti v' zessarskih krajlevih duschelah* люблянского печатника и издателя Янеза Фридерика Эгера. Католический перевод *Нового Завета* Япле был издан в двух частях: первая часть в 1784 году, к двухсотлетию Далматинского первого перевода Библии, и вторая часть в 1786 году. Недовольство коллег-переводчиков росло все больше и больше. Япле обвиняли в произвольности перевода, а также указывали на богословские и лингвистические недостатки перевода, утверждая, что фонетически он слишком полагался на язык XVI века, он использовал слишком много иностранных слов, и ему было отказано в реальном чувстве языка. Япель также опубликовал первую часть *Ветхого Завета* (в 1791 г. Пятикнижие и в 1796 г. Книгу Иисуса Навина, Книгу Судей и Книгу Руфь), но затем ему пришлось уйти в отставку, и перевод перешел к оппозиции. Второе издание *Нового Завета* в 1804 г. вышло уже без его имени – Дебевиц, Шкриньяр, Водник (SBL 1928: Япель). За переводом последовали попытки создать хороший словарь (Водник) и грамматику (Копитарь, Водник, Метелко), вопрос о подходящем шрифте («чаркарская правда»/*črkarska pravda*), лингвистическая концепция Копитара и Чопа, Прешерн и период языковых волнений, который проявляется в «Вестниках Блейвейса» – все это привело к отказу от богоричицы и метельчицы (*boboričica* и *metelčica*) и введено более подходящей словенской письменности, которая наряду с новыми формами стала

узнаваемым внешним признаком ново-словенского или единого словенского литературного языка.

4 Восточно-словенский литературный язык

В административном отношении территория восточной Словении была разделена между немецко- и венгриязычными районами, а Мура стала географической границей, врезавшейся в первоначально единое словенское языковое и культурное пространство. Словенцы правого берега Муры стали лингвистически приближаться к так называемому Альпийскому словенскому языку, поскольку контакты с паннонской языковой базой становились все более и более трудными. Сформировались прекурская и восточно-штайерска (региональная) языковые версии. Хотя они происходят из паннонской диалектной базы, различия между ними возникли на протяжении нескольких столетий, которые являются результатом разной среды, в которой развивались два языка. На восточно-штайерский вариант восточнославянского языка оказали решающее влияние центрально-словенский язык и немецкое господство, в то время как прекурский литературный язык находился под влиянием кайкавского языка (включая глаголицу, принятую через хорватский язык) и венгерское владычество.

Восточно-словенский литературный язык ведет свою историю от прихода Кирилла и Мефодия в Словенскую Паннонию, поэтому в данном исследовании выделяется десять периодов историческом языкового развития.

Иллюстрация 4: Периоды в развитии прекурского языка (от старого церковно-славянского до ново-словенского)

От княжества Кочаль до словенской государственности.
Нижне-паннонский языковой регион (Княжество Кочале)
• Миссионерская деятельность Кирилла и Мефодия/Старославянский (866/67–885/86)
Раздел единого паннонского пространства между словенцами, хорватами и венграми (11 век)
Формирование так называемого словенского (= кайкавского) языка XVI века в паннонском языковом регионе (А. Вrameц: Хроника, <i>Kronika</i> 1578)
Письменность в районе Прекурья
Появление прекурских протестантов и стандартизация прекурского литературного языка в XVIII в.
Распространение прекурского литературного языка на все функциональные жанры языка до середины XIX века
Объединение словенского литературного языка в середине XIX века.

• Писатели-католики переходят на единый словенский литературный язык.
• Протестантские писатели остаются при использовании старого литературного прекурского языка до конца Первой мировой войны.
Конец Первой мировой войны и возвращение Прекмурия к исконно словенской территории.
«Железный занавес» между языками Прекмурия и Порабья.
Открытие границ в некогда западной южнославянской Паннонии.

Источник: собственный

Самая восточная северо-восточная часть сегодняшней территории Словении была отделена от остальной территории государства с момента распада государства Кочаль до 1919 года. Исторические факторы сыграли решающую роль в том, что словенский язык развивался в Прекмурии иначе, чем у словенцев на правом берегу Муры (Novak 1976: 8–9). Школьное обучение велось на венгерском языке и, особенно во второй половине XIX в., наблюдалось стремление склонить словенцев к венгерской культуре и подавить их национальное самосознание, пробужденное протестантами в XIX в. и католиками в начале XIX в. Под сильным венгерским давлением язык прекурских словенцев также подвергся хорватско-кайявскому влиянию начиная с XI века, что особенно ощущалось в церкви. Жители Прекмурия слушали основные проповеди и молитвы на кайявском языке. Они должны были приспособиться к нему и понять его, а позже также читать псалмы и другие церковные тексты на языке Загребской епархии. Так произошло сближение прекурского языка с кайявским, с которым он оставался в тесной связи вплоть до иллиризма,⁹ когда в Хорватии образовался единый литературный язык.

Новак (Novak 1976: 7) утверждает, что из-за особых исторических условий книг из Кранья в венгерское Прекмурие не передавали, и что до 1919 года книги Мохоревой дружбы были лишь несколько более распространенными изданиями «литературного словенского языка» среди простого народа Прекмурия. Священники и другие образованные люди были знакомы с книгами *Словенска матица* и «может быть некоторыми словенскими газетами», но в остальном языковых связей не было, и прекурский язык развивался независимо от центрально-словенского краньского языка.

⁹ Подробнее об иллирийском движении Ульчник и Николовский (Ulčnik, Nikolovski 2023: 407–424).

Иллюстрация 5: Что было перед печатными книгами в словенском паннонском/прекмурском языковом регионе

Что было перед печатными книгами
Мартианский песенник I (<i>Martjanska pesmarica</i> I (1543 или 1593 и XVII век)
Маркишевский песенник (<i>Markiševska pesmarica</i> (1632)
Мартианский песенник II (<i>Martjanska pesmarica</i> II (1756)

Источник: собственный

Самая старая сохранившаяся запись на прекмурском языке – «Мартианский песенник I» (*Martjanska pesmarica* I) (1543 или 1593 и 17 век), но устная традиция восходит к еще более раннему периоду (Novak 1976: 37). От более поздних времен сохранились также «Мартианский песенник II» (*Martjanska pesmarica* II (1756 или 1786) и около шестидесяти других рукописных гимнов (Škafar 1978: 99–103), которые доказывают преобладание прекмурского языка и необходимость его использования в письменной форме, сохранив, таким образом, свидетельства традиции языка, который был практически обречен в силу исторических обстоятельств, еще до того, как его стали употреблять в книжной форме.

Иллюстрация 6: Периоды в развитии прекмурского литературного языка

I. период (1587): первая печатная книга – (утрачена) <i>Agenda Vandalica / Slovenska Agenda</i>
II. период (1615–1771): протестантский – основополагающий и нормативный
III. период (1771–1796): протестантско-католический и литературный
IV. период (1796–1848): ренессанс-романтика – языковая конвергенция
V. период (1848–1919/21): народные волнения – литературный словенский и прекмурский диалект.
VI. период (1919/21–1945): объединение – словенский
VII. период (1945–настоящее время): послевоенный – «железный занавес» и независимость.

Источник: Marko Jesenšek (2013, 2018)

Предположительно первой книгой из Прекмурья является утраченная *Agenda vandalica* (1587), о которой мы знаем из переписки между Михаэлем Бакошом и братиславским пастором Михаэлем Инспиторисом Мошовским (Šebjančič 1969: 243–244). Не последнюю роль сыграл типограф Янеша Мандельца, который жил и работал в Венгрии после изгнания из Любляны, где готовился к печати Библии. Между 1587 и 1589 годами у него была типография в Монёрокереке (Эберава) в современном Градичанском (Reisp 1993: 511). Там, в 1587 году, он напечатал первую книгу из Прекмурья, *Agenda Vandalica*, которая

сейчас утеряна, а за двенадцать лет до этого его работой была также первая книга, напечатанная в Любляне, «Иисус Сирах» (*Jesus Sirah* 1575) Далматина.

Согласно *Agenda Vandalica*, литературный язык Прекмурья сформировался под влиянием протестантизма. Его создание и развитие в XIX веке является отражением всего, что происходило в Кранье во второй половине XVI века. История прекмурского литературного языка начинается с алфавита и катехизиса и требования, чтобы каждый верующий читал Библию на родном языке. Протестант Франц Темлин напечатал первую прекмурскую книгу, церковный учебник «Малый катехизис» (*Mali Katechismus* 1715), и в ней отделил прекмурский («чистый словенский язык») от кайкавского («словенский язык»), который до этого был заменителем литературного языка в прекмурской церкви. Темлин пытался создать наддиалектный язык, который был бы понятен в более широком прекмурскоязычном регионе. «Мальский катехизис» Темлина (1715), «*Abecedarium szlowenszkeo*» (1725), «*Réd zvelicsánsztva*» Севера (1747) и «*Vöre kersztsanske kratki nauke*» Кюзьмича (1754) положили начало формированию прекмурского литературного языка, после чего Штеван Кюзьмич взял на себя роль прекмурского Далматина. В пятидесятых годах XIX века он начал готовиться к переводу Библии. «*Nouvi Zákon*» (1771) является делом всей его жизни (вероятно, он перевел всю Библию, но, к сожалению, рукопись не сохранилась), важнейшее произведение прекмурской протестантской литературы и первый словенский перевод Библии с языка оригинала, т.е. древнегреческий. В создании литературного языка Прекмурья перед ним стояла еще более трудная задача, чем перед Трубаром или Далматином, так как в Прекмурье в то время не было городов и не было общего центрального городского диалекта. Кузмич объединил язык в наддиалектное образование и таким образом сформировал литературный язык протестантов Прекмурья. Во введении он обращает внимание на книги Трубара и Далматина из Кранья, а также Кайкавы и хорватских писателей, но говорит, что прекмурский язык отличается от них, поэтому венгерским словенцам нужны свои переводы:

Meo je i ma efse Gofzpodin Boug vřizgdar, kakti na vef cslovecsanfzki, tak i na vefz Szlovenszki narod vu etom lzvojo Bo'zanfzko lzkrb: da liki je od lzrejdnyega mourja notri do Bejloga vřzo Dalmazio, lztrio, Slavonio, Boznio i bulgario, Horvacski, Krajnfzki, Stajefzki, Vogrfzki, Morfzki, Csefzki, Polfzki i Moskoviranfzki orřzag z' nyim napuno; Ar tej naf

Vogrfzki fzlovenov jezik od vřzej drugi dofzta tühoga i fzebi lafztivoga ma. Kakti i vu naprej zracsunani fze veliki razlocsek nahaja. (Küzmič 1771: Predgovor §13)

Семь книг католического священника Миклоша Кюзьмича (1737–1804), написанных им по латинскому образцу, играют важную роль в повышении осведомленности о прекмурском литературном языке, среди них «*Szvéti evangyeeliomi*» (1780) и наиболее часто переиздаваемая на прекмурском языке «*Kniga molitvena*» (1782).

Истоки художественного языка восходят к 1774 году, когда была написана первая известная прекмурская поэма, карнавальная «*Versus Vandalici*», написанная Давидом Новаком, учеником евангелической гимназии в Пожуне (Братислава). В XIX веке Янош Кардош продолжил это направление переводами венгерских поэтов на прекмурский язык.

В 1807 г. была издана свадебная книга «*Sztarisinszto i zycsinszto*» (1807), в которой впервые на литературном языке Прекмурья появилось нецерковное содержание, а именно изложение предложения и приглашения на свадьбу и песни. После перевода *Nowega Zákona*, сделанного Кузьмичем, это был важнейший поворотный момент в развитии литературного прекмурского языка, который из церковных текстов распространяется на художественную литературу и на художественный язык. В литературе литературный язык Прекмурья достиг своего пика в текстах Йозефа Кошича (1788–1867). Следуя примеру воскресной школы Сломшека, он передал базовые знания о письменности, истории, этике и укреплении морали в произведении «*Zobriszami Szloven i Szlovenka med Mürov i Rábov*» (1845–1848). Впервые после «*Dogodiřinab štajerske zemle*» Кремпла, Кошич написал прекмурскую историческую книгу «*Zgodbe vogerszkóga králesztova*» (1848), а его самый важный исторический труд «*Starine źeleznih ino salaskih Slovenov*» остались в рукописи. Кошич обновил прекмурский язык XVIII века и полностью приблизил его к литературному жанру с точки зрения выражения и стиля. Высокий уровень литературного языка сохранялся в произведениях католических и протестантских писателей до середины XIX века, когда литературный прекмурский язык содействовал формированию единого словенского литературного языка. Затем последовала богатая книжная продукция

протестантских и католических писателей – до 1918 г. было издано 334 книг на прекмурском языке, которые включали все функциональные жанры языка.

Во второй половине XIX века протестантское и католическое отношение к словенскому языку уже не совпадало. Католические писатели приняли единый словенский литературный язык, и это единство проявилось и в замене прекмурского шрифта (или прекмурского венгерского языка, венгерского шрифта с прекмурскими фонетическими изменениями), который употребляли в печатных текстах XIX века на славеницо. Лингвистические контакты Кошича с восточно-штаерскими писателями продолжил Йожеф Боровняк (1826–1909), который принимал штаерских священников и образованных людей в Чанкове и знакомил их с языковыми, культурными и политическими обстоятельствами в Прекмуре. От Божидара Райча и Антона Трстеньяка он получил важную информацию об «австрийско-словенском языке», усилиях по объединению литературных языков Крањя и Прекмурья, чтении, а также о деятельности Мохорьевской дружбы и распространении ее книг в Прекмуре. Он позаботился о переиздании важных книг из Прекмурья, а также писал и сам. Боровняк издал прекмурский молитвенник и сборник гимнов «*Szvéti Angel csuvár*» (1875), в котором лингвистически сблизился с современным словенским языком и использовал единый словенский литературный язык в начале 90-х годов XIX века, когда опубликовал шестнадцатистраничный буклет «*Angleska služba ali poduk, kako se pri sv. maši streže*» (ок. 1890). Франц Иваноци, инициатор католической журналистики в XX веке, защищал единый словенский литературный язык и национальное объединение, в то время как евангелистский священник Янош Кардош не поддерживал такие позитивные языковые изменения и выступал за сохранение статуса прекмурского литературного языка (Jesenšek 2013: 104).

Только после 1919 года в Прекмуре полностью установилась единая словенская литературная норма, возникшая в результате объединения центрально- и восточно-словенских литературных языков, прекмурский язык утвердилось как один из словенских диалектов. Его переход из литературных рамок в диалектные, несмотря на исторический момент и идею объединенной Словении, не произошел «в одночасье». Прекмурские писатели-католики приняли ново-словенский как необходимое условие для объединения всех словенцев, а протестанты продолжали отстаивать уникальность прекмурского

языка по отношению к венгерскому и ново-словенскому. Это было внеязыковое решение, обусловленное церковью и политикой так как протестанты в Прекмуре восприняли объединение словенской письменности в середине XIX века как господство словенского католического большинства над прекмурским евангелическим меньшинством. Они думали, что национальное объединение «австрийских» и «венгерских» словенцев будет означать и религиозное объединение. Существование евангельской веры в Прекмуре признавали только в контексте лояльности венгерскому государству и его политике, но однако до признания роли единого словенского литературного языка было еще далеко. Речь шла о разных взглядах на роль языка в процессе развития словенской нации и даже о разных языковых концепциях.

5 Восточно-штаерский региональный (литературный) язык

Восточно-штаерский (литературный) язык начал приобретать литературный статус с изданиями катехизиса Пархамера (*Parhamerjev katekizem*, 1758, третье издание 1777 – лингвистически восточно-штаерский восьмой класс). Этот процесс продолжила поэзия Фолькмера, например сборник гимнов Песни для празднования этих святых месс (*Pesme k tem opravili te svete maše*, 1783); за ней последовала Светурбанская академия (1803) и влиянием Нарата, Модриняка и Яклина, когда в Дестернике собрались представители интеллектуально элиты из Штирии, которых в основном волновал вопрос языка, так как в Любляне в то время уже серьезно занимались подготовками словенского словаря и грамматике (Rajh 1984: 41–43). Нарат стремился установить книжный языковой стандарт, принимая во внимание языковые особенности Восточной Штирии, и писать в бохоричице. Модриняк, с другой стороны, защищал преимущества хорватского письма и опирался на кайкавский язык. Восточно-штаерский язык был полностью стандартизирован в результате усилий по созданию восточно-штаерской грамматики, а так же в многочисленных печатных книгах Петра Даенко, Антона Шерфа, Вида Рижнера и их современников. Четыре грамматики восточно-штаерского языка (Šmigoc 1812, Dajnko 1824, Murko 1832, Muršec 1847) первой половины XIX века доказывают, что писатели восточной части Словении знали о различиях между родным диалектом и центрально-словенским литературным языком. В 1824 г. во введении к своей грамматике Дайнко ясно писал, что по инициативе Копита особое внимание

уделил восточно-штаерскому языку, отделив его с одной стороны от языка каринтийцев и краньцев, а с другой стороны от языка венгерских словенцев и хорватов.

Иллюстрация 7: Что было перед печатными книгами в словенском паннонском/восточно-штаерском языковом регионе

Рукописи XVI–XVII вв.

- Пасхальная клятва (1570)
- Феодалная присяга
- Центральный иск (1648)
- Письмо из поместья Ормо (1651/58)
- Калобская грамматика (1651)
- Словенский императорский указ (1675)
- Евангелие Рапуга (1686)
- Клятва Штирии (1696)
- Присяга Птуйская (1696)

Рукописи XIX века.

- Правила братства св. Флориана в Средице (1705)
- Завещание Михала Модрняка (1713)
- Завещание Николая Старшего (1731)
- Присяга жителей Лютомера (1717/25)
- Средишка присяга (1730/40)
- Клятва из Храстовца (1781)
- Судебное решение от Храстовца
- Рукописный песенник из Циркулана (1781)

Источник: Jakob Rigler (2001); Marko Jesenšek (2015)

Самым стойким защитником восточно-штаерского языка был Петр Дайнко. В отличие от Дайнко и его многочисленных подражателей, только Антон Мурко, Антон Мартин Сломшек и Антон Кремль работали над созданием единого словенского литературного языка на северо-востоке Штирии. Последний решил перенять лингвистические закономерности средне-славянского литературного языка при переводе¹⁰ церковных текстов, но, несмотря на это, мы также находим в его сочинениях свидетельства того, что восточно-штаерским языком пользовались почти все образованные люди восточной Словении. В своих церковных переводах Кремль сделал попытку приблизить восточно-штаерский язык к центрально-словенскому языку. Он мог читать Евангелия и жития святых на литературном краньском языке, и это сильно повлияло на его церковные переводы с точки зрения фонологии, лексики и синтаксиса, напр. «*Branje od tih v' kmetičke kalendre postavljenih ino nekerih*

¹⁰ О переводе и реформации на востоке словенского этнического пространства Есеншек (Jesenšek 2023: 203–230).

drugih Svetnikov» (1833) или «*Sveti nedelni ino svetešni evangelji*» (1843). Но все было иначе, когда он писал историческую работу, для которой у него не было краньских источников и лингвистических моделей. «*Dogodivšine štajerske zemle*» Кремпла (1845) – первая история словенцев, написанная на словенском языке. Способы выражения, синтаксис, стиль и выбор слов отличались от религиозной литературы. Кремпль, не нашедший примеров в языке центральной Словении, остановился на языковых решениях, типичных для восточно-штаерского языка. Тем самым он доказал, что этот язык уже в начале 40-х годов XVIII века был настолько развит, что был вполне приемлем для писателей и переводчиков и зарекомендовал себя как литературный язык. Писатели из восточной Штирии вывели его из диалектных рамок и усовершенствовали до такой степени, чтобы на нем можно было создавать и церковные и литературные тексты. Восточно-штаерский литературный язык является самой молодой формой словенской литературной языковой традиции, которая начала формироваться во второй половине XIX века. Литературный язык оказал значительное влияние, особенно в 1920-х годах, когда языковая программа, разработанная Дайенко на короткое время приобрела национально важную роль. За очень короткое время (менее восьмидесяти лет прошло от первоначальных усилий по стандартизации во второй половине XVIII века до создания единого словенского книжного стандарта) Дайенко разработал большинство функциональных литературных жанров. Времени не хватило только на публицистику. Среди церковных текстов, издание Дайенка «Евангелий» (*Evangelijev* 1817) и его рукописный перевод части «Ветхого Завета» (*Stare zaveze* 1836) подтвердили литературный статус восточно-штаерского языка, в том числе при помощи словарей (например, Чебул, Попович, Апостел, Дайенко, Мурко, Пенн), грамматик (Зеленко, но особенно Шмигоц, Дайнко, а также Мурко и Муршек), членов Светоурбанской академии и Словенского общества в Граце, а так же других интеллектуалов (например, Фолькмер, Модриняк, Нарат, Яклин, Примич, Рижнер, Шерф, Верчич, Лах, Сломшек).

6 Единый литературный словенский язык

Современные исследования истории словенского языка обращают внимание на двойное развитие в альпийской и паннонской областях и отмечают, что традиционный литературный словенский язык не только краньский. Мнение

о том, что все, что исходит из центра, является «правильным», приемлемым и обще-словенским, а то, что предлагает словенская языковая периферия, является диалектным и неприемлемым для «обще-словенского литературного языка», сегодня уже в корне изменилось. До середины XIX века сосуществовали средне-словенский (краньский) и восточно-словенский (прекмурский, восточно-штаерский) литературные языки, формировались две литературные версии, объединившиеся во время Весны народа в ново-словенской или единый словенский литературный язык. Нормативная унификация словенского языка явилась результатом романтических размышлений о языке и нации в то время, когда языковое единство было условием национального единства и государственности словенцев. До Весны Народа не было условий для идеи о единой Словении так как в то время словенцы проживали на различных иностранных административных территориях, поэтому в первую очередь нужно было реализовать романтическую идею о том, что «национальный» язык необходим для развития нации. К этому присоединилось и мысль Сломшка о том, что «наш родной язык является «хранителем истинной веры», и его призыв о том, что пора почитать словенский язык как «нашу дорогую мать!» Словенский язык должны были начать использовать в школах и административных учреждениях. Необходимо было убеждение, что именно словенский язык нужен в Словении, а немецкий язык напротив является чужеродными для словенской культуры. 4 января 1850 г. в газете «Словения» Лука Светец предложил новые формы, объединившие литературный язык Кранья и Прекмурья:

Najpred se vpraša, ktere so te nove oblike? /.../ So nasledne: I. Se stavi *-om, -oma*, namesto *-am, -ama* pri imenih možkega in srednjega spola. II. Namesto *-iga, -imu, -im* (v mestniku jednobroja) se piše *-ega, -emu, -em*. III. Pri imenih srednjega spola se v višebroju prilog imenu jednako sklanja. IV. Prilogi se v drugi in tretji stopnji s spolom imena vselej skladajo. V. Glagoli drugega razpola, ki se končajo s slovkó *nem.* se sprežajo na *-uti (oti) -ul fol* namesto *-iti, -il*. VI. Se piše *š* namesto *š*, ako izvira tisto iz glasov *sk, st* ali sploh etimologija tako veli. VII. Se stavi *da* namesto *de*. (Svetec 1850: 8)

Национальная идея в первую очередь должна была воплотиться в осознании права на гражданство. Необходимо было решить вопрос языка и его использования в церкви, школе, административных учреждениях и повседневной жизни, и только при этом условии могла начать развиваться идея о объединенной Словении. В таких условиях краньцы и прекмурцы

(«альпийские и паннонские словенцы», «австрийские и венгерские словенцы») оказались участниками Весны народа. Лингвистически разобщенные, они не могли требовать того же, что к примеру чехи, поляки и хорваты требовали от Вены. В первую очередь необходимо было создать единый словенский литературный язык. Объединение краньского и прекмурского языков не могло произойти в одночасье. Необходимо вспомнить прекмурский (1771) и краньский (1784) переводы Священного Писания, хотя они и были созданы независимо друг от друга: первый основан на древнегреческом языке оригинала Нового Завета, второй выполнен на усовершенствованном языке Даалматина наряду с немецкими и латинскими вкраплениями. Когда Копитар сравнил оба перевода в начале XIX века, это еще больше поспособствовало их сближению. Объединение произошло в то время, когда господствовало убеждение, что язык определяет сущность нации, ее создание и существование. Во время Весны народа в середине XIX века на словенской национальной территории созрело осознание того, что объединение всех словенцев в единое государство может быть достигнуто только на основе языкового единства.

Во второй половине XIX века объединенная Словения и идея Иллирийского королевства еще не включали в себя жителей Нижней Штирии и Прекмурья. В начале XIX века Копитар и Чоп рекомендовали «старославянский язык» Штевана Кюзьмича как образец «чистого и правильного» словенского, но осознание того факта, что словенцы живут в Прекмурье и что там говорят на словенском языке очень медленно проникло в Крань. В 1848 году в Вене Словенское общество направило письмо провинциальному собранию Кранья в Любляне с просьбой начать думать о словенской нации и «обеспечить словенское гражданство в Кранье, Штирии, Каринтии и Приморски». Прекмурье не упоминалось, так что еще не было идеи о объединенной Словении, которую венские члены Словенского общества Антон Глобочник и Мартин Семрайц впервые очень расплывчато сформулировали в своей просьбе к императору Фердинанду о том, чтобы народ Кранья, Штирии, Каринтии и Приморье должны быть «братьями», «заключенными по одному правилу», потому что они слишком долго были разделены. Янез Блейвейс уже представлял объединенную Словению эрцгерцогу Янезу на аудиенции в апреле 1848 года, но даже он не видел в ней в объединенной нации Прекмурья. Во время Весны народа словенцы были ментально слишком озабочены

исторической раздробленностью и разобщенностью, поэтому было трудно в достаточной мере осмыслить идею о единой нации. Первый шаг на пути к объединенной Словении остановился в 1848 году, потому что программа была незавершенной и не включала все словенские меньшинства, а была предназначена исключительно венгерским словенцем в Прекмурье и Порабье.

Иллирийское королевство также играло важную роль на втором этапе осмысления объединенной Словении в шестидесятых годах XIX века. 25 сентября 1865 года, через три года после смерти Сломшека, жители Штирии, Каринтии и Крастья собрались на «мариборскую встречу», чтобы обсудить идею о единой Словении, т.е. Иллирийское королевство, к которому должна была присоединиться словенская Штирия. Прекмурье же опять не упоминалось. Была ли тысячелетняя изоляция Прекмурья в венгерском пространстве и отдаленность от Крастья причиной такого непонимания словенского национального политического вопроса? Вряд ли. Поскольку Божидар Райч «пересек» реку Мура в 1960-х годах и тем доказал жителям Крастья, что государственная граница Словении проходит вдоль реки Раба, и убедил образованных жителей Прекмура более тесно сблизиться с жителями Крастья.

Объединение словенского литературного языка происходило двумя волнами, оба раза стимулированными знаковыми историческими событиями: (1) мартовской революцией, Весной народа и (2) первой мировой войной, распадом Австро-Венгрии и присоединением Прекмурья к словенской территории. После Весны народа последовала наконец и изменение ситуации в Прекмурье. Католические писатели наряду с жителями Штирии считали, что лингвистически, этнически и географически это одна территория, поэтому словенский язык должен был быть унифицирован в соответствии с романтической теорией о языке как важнейшем атрибуте нация.

Преобразование словенского языка берет свое начало в переводе Миклошича «Общего гражданского кодекса» (*Obći državljanski zakonik*) и грамматик для средней школы под издательством Янежича, а затем новые языковые формы стали обязательными для ново-словенского языка второй половине XIX века. Словенский литературный язык стал неотъемлемой частью общественного движения (1868–1871), когда представители словенской интеллектуально

элиты требовали, чтобы словенский стал официальным языком в Словении, чтобы все чиновники знали словенский язык, чтобы проповеди велись та словенском языке, чтобы языком обучения в школах стал словенский (а так же чтобы словенский язык был введен в школьную программу как отдельный предмет), и наконец чтобы словенцы объединились в единую Словению.

К сожалению, за позитивным языково-политическим движением последовали некоторые неадекватные представления о литературном языке. Во второй половине шестидесятых годов XIX века появилась левистация, т.е. стремление к пуристически очищенному словенскому литературному языку, сильно архаизированному (элементы старославянского) и славянизированному (элементы русского и других славянских языков). «Школу Левстика» этимологизирования защищали Чегнар и Левец, в то время как Юрчич выступал за распространение хорватского языка, особенно после 1874 года, когда был основан Загребской университет. К счастью, среди словенцев было достаточно предусмотрительных языковедов (Цигале, Миклошич, Навратил, Янежич, Шкрабец, Плелершич), которые признавали подобные отклонения от языкового развития заблуждениями и вовремя их предотвращали.

В начале XX века впервые появилось неоиллиризм, а после Первой мировой войны — югославизм. Дело было в литературно-языковых заблуждениях, так как словенский язык был заменен сербским или хорватским языками. Неоиллиризм защищал Фран Илешич, а словенизм успешно Иван Канкар, который в своей лекции о словенцах и югославах (12 мая 1913 г.) решительно исключил словенский язык из политического югославского вопроса: «Мы братья по крови, но не по языку и культуре. После многих столетий обособленного существования мы гораздо более чужды друг другу, чем наш фермер из Горенья чужд фермеру из Тироля или винодел из Гориц виноделу фриульскому».

После Первой мировой войны казалось, что словенский язык приобретет более высокий статус в Королевстве SHS, чем в Австро-венгерской монархии. Ожидания были высоки, и словенский язык даже получил статус официального языка в Белградской Ассамблее, но Антон Корошец отказался переводить, заявив, что словенцы в Ассамблее достаточно хорошо понимают и говорят по-сербски. С тех пор и до распада СФРЮ словенский был

официальным языком в Ассамблее только на бумаге, то же самое и в армии, государственном управлении, долгое время даже по телевидению репортажей на словенском не было, а воскресный вечер Спортивный обзор на Люблянском телевидении остался на не-словенском языке.

После Второй мировой войны официальным языком СФРЮ был словенский, но в повседневном использовании эта возможность была сильно ограничена. Командным языком в армии (ЈЛА) был только так называемый сербскохорватский, почти полностью вытеснивший словенский во всех формах общественной жизни (если не только в общении между словенцами). Ситуация была настолько неблагоприятной для словенского языка, что 14 и 15 мая 1979 года Славянское общество Словении организовало в Портороже консультацию по словенскому языку для населения, на которой было установлено, что словенский язык активно используется в политической жизни, законодательстве, администрации, судебной системе и, прежде всего, в армии (ЈЛА). Большие недостатки в использовании словенского языка были заметны в сфере образования, средствах массовой информации и экономике. Результатом встречи в Портороже стало создание Общественного совета по словенскому языку (1980) и Языкового трибунала, которые «посредством профессиональной аргументации и морально-политического авторитета помогли повысить языковую уверенность в себе и чувствительность к языковому равенству и языковая культура словенцев в данных условиях». Положение сильно ухудшилось в 1983 г. так как единые административные органы планировали единую программу школьного образования для всей Югославии, предметы словенский язык и литература,¹¹ резко сократили число словенских авторов, в то время как возросла сербо-хорватизация уроков и реализация лингвистических идей югославизма.

После того как Словения стала независимым государством, словенский язык впервые стал официальным и государственным языком. Словения начала соблюдать европейское законодательство и в период принятия в Европейский Союз приняла европейскую языковую политику и планирование. В 1994 г. была образована рабочая группа в области языкового планирования и языковой политики при парламенте Республики Словения, которая

¹¹ О словенской литературе в центральноевропейском пространстве Боровник (Borovnik 2020: 134–148).

подготовила Закон об общественном использовании словенского языка (5 августа 2004 г.). Было так же создано Управление словенского языка (позже Департамент, а сегодня Служба словенского языка), которое, в том числе, занимается подготовкой пятилетних Постановлений о национальной программе языковой политики. В Словенской академии наук и искусств до 2013 года действовал Комитет по языку (комиссия по словенскому языку в общественном мнении в новом составе продолжает эту работу и сегодня), Институт словенского языка Франа Рамовша ZRC SAZU также очень активен – 17 октября 2014 г. начал работу интернет-портал Fran (<http://www.fran.si/>), который предлагает пользователю самые качественные материалы в области словарей, грамматик, орфографий, языковых ресурсов, порталов и избранных языковых корпусов.

В 2016 году вновь был поднят вопрос о языке обучения в словенских высших учебных заведениях. Это была попытка части словенской университетской элиты (их поддерживало и правительство), чтобы словенские профессора читали лекции словенским студентам в словенских университетах на иностранном языке. К счастью, англазация словенского образования была предотвращена, поскольку Словенская академия наук и искусств, Славянское общество Словении и многие общественные учреждения, а так же и отдельные лица, присоединились к широкой кампании за словенский язык обучения. К сожалению, остается вопрос: когда и в какой форме вновь появится подобное языковое отступничество? В 2023 году, похоже, этот вопрос будет снова актуален. Наука и культура – это высшие ценности, которые могут быть оценены только народами, которые умеют ценить прежде всего самих себя. Главной опорой этих ценностей является национальный язык, поэтому долг всех образованных людей использовать его в устном общении и в письменных научных дискуссиях, так как только так мы сохраним свой национальный характер, самобытность и культуру, благодаря которым статус словенского народа прочен в европейском сознании. Таким образом, образование должно дать зеленый свет языковой открытости, языковой культуре и языковой приверженности и остановить негативную языковую ассимиляцию, которая делает попытки утвердиться в высшем образовании и исследованиях, политике и отдельных профессиях, включая науку, во имя глобализации, моды и экзгибиционизма.

Prispevek je iz slovenščine v ruščino prevedla Natalia Kaloh Vid.

Literatura

- Silvija BOROVIK, 2020: Slovenska književnost v srednjeevropskem prostoru in položaj drugega. *Slavia Centralis* 13/2, 134–148.
- Boris GOLEC, 2018: Terezijanske reforme: gibalo sprememb občutka pripadnosti in povezanosti ter identitet v slovenskem prostoru. *Marija Terezija: med razsvetljenimi reformami in zgodovinskim spominom*. Ur. Miha Preinfalk, Boris Golec. Ljubljana: ZRC SAZU, Zgodovinski inštitut Milka Kosa: Založba ZRC. 195–216.
- Marko JESENŠEK, 2013: *Poglavja iz zgodovine prekmurskega jezika*. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta. (Zora, 90).
- Marko JESENŠEK, 2015: *Poglavja iz zgodovine vzhodnoštajerskega jezika*. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta. (Zora, 110).
- Marko JESENŠEK, 2018: *Prekmurski jezik med knjižno normo in narečjem*. Maribor: Univerzitetna založba Univerze. (Zora, 129).
- Marko JESENŠEK, 2021: *Poglavja iz zgodovine slovenskega jezika*. Maribor: Univerzitetna založba Univerze. (Zora, 145).
- Marko JESENŠEK, 2023: Prevajanje in reformacija na vzhodu slovenskega etničnega prostora. Zgodovina slovenskega literarnega prevoda I: pregled zgodovinskega razvoja. Ur.
- Nike Kocijančič-Pokorn, Robert Grošelj, Tamara Mikolič Južnič. Ljubljana: Založba Univerze: Cankarjeva založba. 203–230.
- France NOVAK, 1976: *Izbor prekmurskega slovstva*. Ljubljana: Zadruga katoliških duhovnikov.
- Martina OROŽEN, 1973: Jezikovno knjižno izročilo prekmurskih in štajerskih pisateljev. *Časopis za zgodovino in narodopisje* 44/1, 127–138.
- Martina OROŽEN, 1996: *Poglavja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana: Filozofska fakulteta.
- Martina OROŽEN, 1996a: *Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju*. Ljubljana: Filozofska fakulteta: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete.
- Martina OROŽEN, 2010: *Kulturološki pogled na slovenski jezik*. Maribor: Filozofska fakulteta.
- Breda POGORELEC, 2011: *Zgodovina slovenskega knjižnega jezika. Jezikovni spisi I*. Ljubljana: ZRC SAZU.
- Bernard RAJH, 1984: Severovzhodna Slovenija pri oblikovanju slovenskega knjižnega jezika. *Časopis za zgodovino in narodopisje* 55=20/1, 38–49.
- Branko REISP, 1993: Prvi (protestantski) tiskar na Slovenskem Janez Mandelc. *Zgodovinski časopis* 47/4, 509–514.
- Jakob RIGLER, 1968: *Začetki slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti.
- Jakob RIGLER, 1968a: Jezikovnokulturna orientiranost Štajercev v starejših obdobjih. *Svet med Muro in Dravo*. Ur. Viktor Vrbnjak. Maribor: Založba Obzorja. 661–681.
- Jakob RIGLER, 2001: *Zbrani spisi I*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
- SBL = *Slovenski biografski leksikon*. <https://www.slovenska-biografija.si/nsbl/>
- Luka SVETEC, 1850: Nove oblike. *Slovenija* 3/2, 8 (4. 1. 1850).
- Franc ŠEBJANIČ, 1969: Agenda Vandalica – prekmurski tisk iz 16. stoletja. *Časopis za zgodovino in narodopisje* 5/XI, 243–244.
- Ivan ŠKAFAR, 1978: *Bibliografija prekmurskih tiskov od 1715 do 1919*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti.
- Jože TOPORIŠIČ, 1981: *Slovenska zvrstna besedila*. Ljubljana: Filozofska fakulteta.
- Jože TOPORIŠIČ, 2000: *Slovenska slovnica*. Maribor: Založba Obzorja.
- Natalija ULČNIK, 2023: Znotrajjezikovno prevajanje in njegove uresničitve na primeru slovenščine. *Slavia Centralis* 16/2, 17–35.

Natalija ULČNIK, Gjoko NIKOLOVSKI, 2023: Slovnica Matije Majarja v kontekstu ilirizma na Slovenskem. *Hrvatske dopreporodne gramatike u europskome kontekstu: zbornik radova*. Ur. Marijana Horvat. Zagreb: Institut za hrvatski jezik. 407–424.